

В ПОТОКЕ КНИГ

П.С. Гуревич

«УСЛЫШУ ВАШ ВОЛШЕБНЫЙ ГЛАС» (О творчестве русского философа и писателя М.О. Гершензона)

Аннотация. Статья посвящена оценке трёх сборников, в которых собраны труды выдающегося философа и писателя Михаила Осиповича Гершензона, – «Избранное. Тройственный образ совершенства», «Избранное. Исторические записки» и «Избранное. Образы прошлого». Этот человек сыграл неоценимую роль в развитии русской культуры. Огромная эрудиция, несомненный литературный талант, философская одарённость позволили ему стать видной фигурой российской культуры. Воображение М.О. Гершензона привлекала новейшая история российского общества последних трёх-четырёх поколений. Этот мыслитель, несомненно, был мастером индивидуального анализа. В известном смысле М.О. Гершензона можно причислить в русской психологии, ибо он – не только историк, но и гениальный психолог. Это позволило ему сравнивать эпохи, находить общие черты и традиции в различных периодах российской истории. Работы, помещённые в трёх названных книгах, свидетельствуют о том, что М.О. Гершензона можно отнести и к плеяде русских философов.

В материале использован принцип историзма, свойственный наследию М.О. Гершензона. Он позволил сравнивать исторические эпохи, выявлять социальные закономерности общественного развития.

Впервые за долгие годы мы получили возможность анализировать огромный вклад в русскую культуру, который принадлежит М.О. Гершензону. Столь масштабное издание трудов этого мыслителя, безусловно, ценнейшая акция, осуществленная известным исследователем и издателем Светланой Яковлевной Левит. Размещение значительного по объёму текста по трём сборникам потребовало немалых усилий. В результате предъявлен обширный материал, который позволяет дать адекватную оценку многообразной активности М.О. Гершензона. Свершилось, наконец, то, о чём писал в некрологе П.С. Коган: «Быть может, работа над его архивом, над оставленными им рукописями прольёт свет на одну из интереснейших проблем общественно-психологической истории». Многие его произведения давно стали библиографической редкостью. В сборниках представлены статьи о М.О. Гершензоне, написанные русскими мыслителями, а также современными исследователями В.Ю. Проскуриной и Ю.В. Синеокой.

Ключевые слова: философия, литература, история, психология, культура, социальность, личность, кризис, славнофильство, человек.

Abstract. The article is devoted to the review of the three collections of selected works that included works of a well-known philosopher and writer Mikhail Gershenzon. These are 'Selected Works. The Triadic Image of Perfection', 'Selected Works. Notes on History' and 'Selected Works. Images of the Past'. Mikhail Gershenzon played an unvalued role in the development of Russian culture. His rich intellect, doubtless literary talent and gift for philosophical research made him a distinguished figure of Russian culture. Mikhail Gershenzon was particularly interested in the history of the modern period in the Russian society development over the past three or four generations. The philosopher was indeed a master of individual analysis. In a sense, Mikhail Gershenzon can be considered to be part of Russian history of psychology because he was not only a historian but also a genius psychologist. His gifts allowed him to compare different epochs and find common features and traditions of different periods of Russian history. His works published in the above named collections also prove that he can be considered to be one of Russian philosophers. In his research Gurevich has used the principle of historicism that was so often used by Mikhail Gershenzon. The method allowed to compare historical epochs and define rules and patterns of social development. These publications gave an opportunity to analyze an enormous contribution of Mikhail Gershenzon to the development of Russian culture and thus was undoubtedly a very important

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 14-03-00350а
«Культура как кризис – неудача или возможность?»).

project carried out by a famous researcher and editor Svetlana Levit. It certainly was such an effort to find and publish these three collections of selected works. As a result, publications provide us with broad materials that enable an adequate evaluation of Mikhail Gershenzon's versatile activity. Kogan's words that 'perhaps, analysis of his activities and works will bring an insight into one of the most interesting problems of social studies and psychology' actually came true. Many of Gershenzon's works have already become a rarity. The aforesaid collections also contain articles written by Russian philosophers and modern researchers V. Proskurina and Yu. Sineokiy about Mikhail Gershenzon.

Key words: history, psychology, culture, sociality, personality, crisis, Slavophilia, human, philosophy, literature.

Рецензии на книги:

Гершензон Михаил. Избранное. Тройственный образ совершенства / Сост. С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 640 с.

Гершензон Михаил. Избранное. Исторические записки / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 352 с.

Гершензон Михаил. Избранное. Образы прошлого / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 448 с.

Многие помнят, как в годы перестройки мы получили, наконец, доступ к русской философии, к её безграничному арсеналу. Мысли Н.А. Бердяева были у всех на устах. О философских идеях В.С. Соловьёва писали с энтузиазмом. К И.А. Ильину обращались в поисках национальной идеи. Читатели получили, наконец, тексты видных представителей русской философии. Однако со временем восторг стал сменяться равнодушием. Некоторые исследователи открыто заявили, что никаких особых откровений в русской философии не оказалось.

Понятно, что столь необдуманные и высокомерные оценки национального наследия принадлежали тем, кто хотел бы получить от философии окончательные и духоподъёмные ответы на общественные вызовы. Впрочем, теперь настало время вдумчивого и неконъюнктурного отношения к трудам отечественных мыслителей. Неизмерима, в частности, заслуга Светланы Яковлевны Левит, которая без колебаний и сомнений продолжала свою просветительскую активность. Ей, судя по всему, нравится безмерно одарённый русский философ Михаил Осипович Гершензон (1869-1925). Не так просто обозначить его профессиональную идентичность. Он, несомненно, талантливый писатель, публицист, переводчик. Значителен его вклад как историка русской литературы и общественной мысли XIX в. Неоценим его труд как неутомимого собирателя эпистолярного наследия многих деятелей русской культуры. Кроме того, М.О. Гершензон – безгранично профессиональный редактор и издатель.

И всё же основная самоидентичность М.О. Гершензона связана с философией. Он остался в истории русской философии как острый социаль-

ный мыслитель. Значителен его вклад в философское постижение человека, в распознавание психологических тайн человеческой субъективности. Вот, к примеру, он касается кризиса современной культуры. Разумеется, он не обходит вниманием столь значительное событие истории, как война. Но его размышление о переломе в судьбе культуры начинается с темы человека. И сразу М.О. Гершензон констатирует зависимость человека от внешней среды. Но в статье тут же заявляется о том, что человек прежде всего подвластен своему духу. Именно в себе самом он носит вместилище необузданных и неизведанных сил [1].

М.О. Гершензон верен философской традиции, начиная с давних веков мыслители с опаской и осторожностью анализировали человеческие страсти. Да, человек действительно с особой мерой раскрывается именно в те сроки, когда он подвержен страстям. Но страсти вырываются из недр человеческой души неожиданно, непрошено. Такие обнаружения человеческой природы, как гнев, злость, безумие, обладают немалой разрушительной мощью. И поэтому человечество законно стремилось обуздать человеческие страсти, преобразить своеволие духа в закономерность, стихийный хаос – в гармонию. Что определяет вектор человеческой истории – преображение духа, возможное достижение гармонии духа?

Внешнее воздействие на человека, диктат нравственных предписаний, разумеется, дают эффект. Но, по мысли Гершензона, они оказываются бесплодными, если не встречают действенную силу в собственных устремлениях души к совершенству. Философ считает XVI век – раздельной линией в истории человечества. Тогда возникло мощное умственное движение, власть которого мы ощущаем до сих пор. Это умонастроение последних трёх веков достигло наивысшего расцвета, как показывает Гершензон, во второй половине XIX в. Философ имеет в виду культ научности и религию прогресса. Он отмечает, что современная культура есть не что иное, как беспредельная рационализация жизни. «Разум признал себя единственным органом верного знания во всех сферах человеческой деятельности; всякое другое знание, то есть не доказуемое рационально, он отвергает в принципе, как ложь, как иллюзию, как субъективность» [2, с. 8].

Такое безмерное увлечение рациональностью М.О. Гершензон называет ослеплением. Однако он понимает, что оно появилось неслучайно, что этому содействовали успехи естественных наук. Именно они породили уверенность в возможной тотальной рационализации жизни. Но почему же люди с таким простодушием приняли эту установку? Ответ таков: человек не выносит двоевластия. Вот откуда казус – люди стали присягать принципу рациональности, демонстрировать ему безусловное подданство. Рационалистическая культура стала позиционировать себя как безусловное благо. XX век стал веком научной психологии, психологического эксперимента и психологической статистики. Отрезвление частично пришло вместе с разразившей войной. В связи с ней стало очевидно, что цельного прогресса, который охватывал бы всю человеческую природу, на самом деле и не было.

Разве эти суждения М.О. Гершензона утратили свою непреложность? Разум, в своей очищенной, научной форме, по-прежнему претендует на единовластие. Разве мы не являемся сегодня заложниками близорукого рационализма? Гершензон обращается к данной теме не только в этой статье. Отметим, что сборник «Избранное. Тройственный образ совершенства» в основном и содержит его философские произведения. Среди них не только названная статья, но также и другие философские сочинения – «Тройственный союз совершенства», «Ключ веры». В этих работах – беспокойные и трепетные размышления о трагических событиях минувшего столетия.

Сочинение «Тройственный образ совершенства» осталось незаконченным. Напечатанный текст представляет собой первую часть задуманного автором исследования. Ссылаясь на античного мыслителя Анаксимандра, он формулирует исходный тезис: «Все сущее в мире – единая субстанция пребывает лишь в отдельных формах». Обращаясь к феномену техники, философ отмечает, что она обладает умением разрывать оболочки природных тел. Однако мыслитель далёк от того, чтобы славить разум как оружие завоеваний. Он отмечает двойственность человеческих усилий по покорению природы. Её освоение создаёт парадоксальное совмещение созидания и разрушения. Гершензон утверждает, что орудийность присуща самой природе и не изобретена человеком. Люди лишь научились применять эту силу в собственных целях. Человек нашёл в этой силе средство порабощения.

Образ совершенства, о котором пишет М.О. Гершензон, едва светится в душе человека. Он пишет: «Творчество рождается из неодолимой потребности личного духа воплотить идеальный образ,

стихийно зачатый в нём, и чрез то обрести покой. Поэтому творческий труд на всём своём протяжении запечатлён страстным личным интересом: поток чувства, зародившийся в личности, остаётся личным и тогда, когда, изливаясь наружу, он посредством знания преобразует мир. Ступень за ступенью творец возводит лестницу причинностей к лучезарной звезде своей, и каждая упорченная ступень удовлетворяет его в объективной правильности его идеального образа. Сам Мировой Разум одобряет его» [3, с. 86].

Так афористично оформляются основные философемы гершензоновской системы совершенствования. Приходится сожалеть о том, что философу не удалось при жизни завершить этот труд. Сочинение «Мир иной», судя по всему, относится к материалам, которые предвещают продолжение размышлений Гершензона об образе совершенства.

Работа «Ключ веры» посвящена идее Бога. По мысли автора, в образе ветхозаветного Бога угадывается всеобщий Бог человечества. Его можно представить скорее как стихию, нежели как конкретное существо. Представление о космической роли божества сложилось уже на заре человечества. Так, Гершензон пытается донести до читателей космогонию Библии, которая грандиозна и проста, но содержит в себе тайный и неразгаданный смысл. Человек в силу свободы располагает властью над Богом, но и Бог имеет могущественную силу против человека. По словам Гершензона, судьба самого мироздания совершается в душе человека. Ему предначертан путь – от своеволия к самоотречению.

Перечень философских, космологических идей М.О. Гершензона значителен. Он задумывается над упорством эволюции, которая неустанно созидает живые и мыслящие системы. Не подлежит сомнению, что мир движется к конкретной цели. Понятно, что его направленность обусловлена восхождением человека. Но кому нужны люди? Что обязывает их к свершениям? Мир сам ведёт человека к некоей цели. Однако миссия, возложенная на человека, весьма трудна и во многом непосильна. Библейская религия наводит на мысль о том, что человеку предстоит овладеть космически-правильным поведением. Размышления М.О. Гершензона о религиозной истории евреев на протяжении тысячелетия отражают величие духа не только еврейского народа, но и, в данном случае, автора исследования. К «Ключу веры» примыкает и другое сочинение «Судьбы еврейского народа». История еврейского народа совершенно иная, чем у других народов. За что был наказан этот народ гонениями и распылением? Была ли в прошлом какая роковая вина? Как сложилась столь чудовищная вереница мучений?

Как социальный мыслитель Гершензон обращается к феномену нации. Он показывает, что данная социальная общность – не простая соединённость личностей. Нацию следует понимать как некую умопостигаемую индивидуальность, которая располагает общей волей и предназначённостью. Эти мысли философа можно считать и своеобразным несогласием с весьма модной в наши дни теорией конструктивизма, угадывающей в нации лишь продукт коллективного мифотворчества. Философ пишет: «Существует стихийная воля нации, и воля эта в своём неудержимом стремлении отлагает наружу как бы известные образы – причудливые, строго закономерные формы народного бытия и народной судьбы» [4, с. 175].

Глубокое впечатление оставляет работа М.О. Гершензона о Франческо Петрарке. По мысли автора, Петрарка близок нам, поскольку был первым человеком Нового времени, который сумел рассказать о себе, раскрыв при этом болезнь внутреннего раздвоения, которое не изжито и современной культурой. Гершензон часто употребляет слово «личность». Но он далёк от отвлечённого любования человеком такой меры. Внутренний мир личности выводится им из поэтических строк Ф. Тютчева «Как демоны глухонемые ведут беседу меж собой».

В томе публикуется также переписка с братом («Письма брату»). Большая часть собранных в томе изданий давно стала библиографической редкостью. Воспроизводится полная библиография трудов М.О. Гершензона, изданная в 1928 г., дополненная обширным списком последующих изданий самого Гершензона и работ о нём вплоть до 1999 г.

Том «Избранное. Исторические записки» посвящён анализу русского общества [5]. Здесь постоянно присутствует тема личности, столь важная для самого М.О. Гершензона. В данном случае он обращается к разбору учения о личности И.В. Киреевского. Слово «личность», вошедшее в обиход, благодаря Н.М. Карамзину, требовало тщательного концептуального анализа. Каковы же черты личности? М.О. Гершензон обращает внимание прежде всего на такой признак, как душевная цельность. Это высший идеал стремлений человека. Но как достичь такого внутреннего единства? Совокупно учение о личности, по мнению М.О. Гершензона, представляет собой строго последовательное развитие трёх положений, а именно:

1. Что в человеке есть некоторое чувственное ядро, сфера над-сознательного, которое и является верховным и единовластным органом управления личностью;
2. Что это чувственное ядро, объёмлющее всю душевную жизнь человека от элементарного

чувствования до убеждения веры, и есть в человеке единственно-существенное, единство космическое или Божественное;

3. Что вся работа человека над самим собой должна заключаться в правильном устройении этой своей внутренней личности, приведении её к единству воли, так, чтобы исчезло раздвоение между чувствами и сознанием и чтобы ни одно частное чувство не брало верх над центральной, всегда верной себе воли [6, с. 18-19].

Концептуальное осмысление проблемы личности – выдающееся достижение русской философии. Стремление выявить nasущные черты человека собой меры – личности – пронизывает многие сочинения отечественных мыслителей. Исследователи указывали на такие черты личности, как социализированность, духовность, ответственность. Придание статусу личности такого качества, как цельность, заслуживает признания. Конечно, личность не может определяться через любые статические признаки. Дело в том, что личность не может объявить достигнутый ею идеал окончательным. Такое признание означало бы, что такой индивид, безусловно, не личность, поскольку ориентируется на собственный уровень духовности. Динамизм – главное качество личности. Поэтому её цельность как неоспоримое свойство требует корректировки. Достижение личностью единства всегда условно. Поэтому тезис о безоговорочной цельности лишает личность её развития. Вместе с тем М.О. Гершензон, безусловно, прав, подчёркивая мысль И.И. Киреевского о чувственно-волевом, космическом ядре человеческой личности.

Анализируя славянофильство, М.О. Гершензон рассматривает учение Ю.Ф. Самарина о природе сознания. Тезисно это учение характеризуется как два концентрических круга, но главным здесь оказывается унаследованное от И.И. Киреевского представление о нравственном ядре, обуславливающем духовную цельность личности. Правомерна здесь критика материализма, который доказывает зависимость психической жизни от материальной среды. Материя не может быть базисом посредника между душой и абсолютным началом. Философские работы Самарина, по словам М.О. Гершензона, были направлены на оздоровление личности, каждого единичного духа.

Тема личности в сочинениях Гершензона неизбывна. Касаясь разногласий между Гоголем и Белинским, он также постулирует вопрос об отношении личности к обществу. Раскол в русском обществе, который возник после знаменитого письма Белинского Гоголю, вызвал законное удивление Гершензона. Он выступает в защиту писателя, подчёркивая, что тот предлагал определённый план оздоровления России.

Не утратили своей ценности размышления М.О. Гершензона об интеллигенции. Здесь автор касается новой темы – отношения личности и общества. Поставим вопрос таким образом: возможно ли общество, состоящее из одних личностей? У Гершензона сказано: «Автономность сознания – наше величайшее благо и вместе с тем величайшая опасность для нас» [7, с. 88]. Когда М.О. Гершензон переходит к практическому разбору социальной реальности, цельный образ личности становится более драматичным. Оказывается, внутри личности не всё так идеально гармонично. Индивидуальное сознание может отделяться от личности. Что это означает? Речь идёт о ежеминутном разрыве между её логическим сознанием и чувственной личностью. Иначе говоря, сознание перестаёт руководить волей, бросает её на произвол страстей.

М.О. Гершензон толкует о психофизической организации каждого человека. В нём есть чувственно-волевое ядро, которое автор называет центральным правительством. Именно оно действует с непогрешимой целесообразностью. Но кроме воли человеку присуще самосознание. Вот оно-то, условно говоря, и «чудит». Ведь оно сталкивается с реальной жизнью, которая многосложна. Можно было бы вслед за экзистенциалистами сказать, что в ней всегда есть место абсурду. «Сознание, – рассуждает М.О. Гершензон, – может обладать отдельными движениями воли и подавляя их или направляя их, тем самым путём навыка, постепенно воспитывать сообразно с познанной истиной саму волю. Такова роль сознания в отдельной личности, такова она и в общественной жизни, потому что государственный закон или институт есть не что иное, как объективированное сознание, которое, принудительно регулируя поступки, стремится этим путём перевоспитывать воли» [7, с. 90].

Приходится признать, что внутренняя жизнь человека гораздо более драматична, чем она представлена философом. Можно, разумеется, полагать, что само сознание, как атрибут человека, предполагает внутреннюю логичность человеческого поведения. Можно уповать на то, что это вытекает из самой человеческой природы. Но ясная работа ума отягощена историческими условиями, общественными стереотипами. Да и личные заблуждения личности имеют место быть, как говорится. Впрочем, сам Гершензон видит, насколько искажена духовная жизнь русской интеллигенции.

Итак, духовная миссия интеллигенции совсем не в том, чтобы следовать директивам общества. Ей принадлежит критическая функция – способность видеть пороки деспотизма. Хуже всего, когда, по словам Гершензона, общественность заполняет сознание. Иначе говоря, когда личность беспре-

дельно укореняется в наличной социальности. В этом случае распад личности оказывается роковым для интеллигенции. Оно впадает в мазохизм, в самоедство или, по словам философа, болезненный самоанализ, беспрерывное, бесплодное копание в своей душе. Интеллигенция не только оторвана от народа, она представляет собой сонмище больных. Характерно, что, анализируя ошибки интеллигенции, М.О. Гершензон критикует и входящие в моду материалистические идеи. Это философ оценивает как горечь мировоззрения. И вновь напоминает о главной задаче – нравственная работа над собой и нравственное влияние на других.

В наши дни размежевания западничества со славянофилами не новость. Поэтому оценка М.О. Гершензоном идейных платформ заслуживает духовного погружения. Как социальный мыслитель он неутомим. Любой оттенок общественной мысли, любая мечта или мысль оказываются в поле его зрения. Он обращает внимание на тургеневскую попытку воплотить в своём творчестве идею раздвоения личности, он захвачен картиной расцвета женской души, он создаёт образ «лишнего человека». Трудно себе представить столь же обстоятельный и эвристичный анализ творчества этого крупного русского писателя.

Издание снабжено статьями В. Розанова, Г.В. Флоровского, А. Белого, Е. Герцык, Б.К. Зайцева, В.Ю. Проскуриной о месте Гершензона в истории российской культуры.

В третьей книге «Избранное. Образы прошлого» мы также встречаемся с развёрнутыми и подчас гениальными экспертизами мыслителей и писателей. Работа «Северная любовь А.С. Пушкина» рассказывает о первой поездке Пушкина на Кавказ и в Крым, в 1820 г. По мнению М.О. Гершензона, это событие совершенно не обследовано. Главное в этой работе – рассмотрение внутренней, душевной жизни поэта в первые месяцы его ссылки. Вдруг в нём произошла какая-то глубокая перемена, о которой он сам догадывался смутно. Присущая ему впечатлительность словно атрофирована. Более того, как будто он утратил и вдохновение. О ком думал поэт во время ссылки? Обстоятельность анализа жизненных событий и творчества буквально захватывает. Но при этом М.О. Гершензон – мастер исследовательской интриги. Он сообщает, что в ссылке поэт познакомился с творчеством Байрона. Вывод же радикальный: нельзя говорить о влиянии английского поэта на Пушкина, не изучив предварительно ту почву, на которую легло это влияние. Только так надлежит, по мнению Гершензона, обозначить байронические элементы в творчестве Пушкина.

Поразительно, как выделив какой-то эпизод в жизни поэта или его любовь к кому-либо, можно

так скрупулезно и захватывающе исследовать данные мотивы. При этом М.О. Гершензон демонстрирует безупречный вкус, благородство и увлечённость, что делает данное сочинение значительным событием литературоведения. Оказывается, в жизни Пушкина была «вечная», таинственная любовь. Взяв бытующую легенду о пушкинской любви, М.О. Гершензон тактично и доказательно обрушивает её. Она, как он установил, не опирается ни на какие документальные сведения. Так автор развенчивает мнение, будто А. Раевский был причастен к высылке Пушкина из Одессы.

Поразительно, как человек аналитической складки, М.О. Гершензон может извлечь из частной подробности, из отдельной детали нетривиальную мысль, неопровержимый аргумент, впечатляющую общую картину жизни. При этом философ понимает, что об одном и том же человеке могут сложиться совершенно противоречивые мнения. Всю зависит от индивидуальности человека и от направленной на него оптики. Художественная бескорытность Пушкина и идейный утилитаризм Гоголя, – вот те «аргументы», которые свидетельствуют о том, сколь различны отношения к Нащокину у Гоголя и у Пушкина. Но эти несовпадения, по слову философа, не лишены общего смысла.

Сколько раз «Пиковая дама» была предметом тщательной исследовательской экспертизы! Но от гершензоновского анализа оторваться сложно. Он начинается с потрясающего вопроса: зачем понадобилось Пушкину рассказать такой странный, мало правдоподобный анекдот? Правда, такой вопрос можно адресовать кому угодно из великих писателей. Зачем Достоевскому пригодился банальный криминальный случай? Или с какой стати сам Пушкин подарил Гоголю забавную историю про мёртвые души?

Есть авторитетное заявление Белинского, что в «Пиковой даме» нет художественной идеи, а есть только хорошо изложенная фабула.

Гершензон не оспаривает мнение о том, что история о трёх таинственных картах не более, чем комочек житейской пошлости. Однако поэт сумел вдохнуть в этот анекдот неоспоримый смысл. Он хотел показать, как человек, захваченный страстью, сталкивается с реальностью. Драма как бы случайная, рассуждает Гершензон, подстерегает каждого из нас, ибо мы все – заложники страсти. За случайностью анекдота обнаруживается вечная тема – тема непреложного закона, которому подчинена жизнь человеческой души. Более того, М.О. Гершензон показывает, что эти размышления относятся не только к Герману. Они касаются и самого Пушкина, душа которого была готова для драмы. Вскрыв глубочайший подтекст драмы, М.О. Гершензон при-

ходит к выводу, что «Пиковая дама» – одна из замечательных русских повестей, могущая оказаться рядом с такими произведениями, как «Тамань» Ю. Лермонтова или «Казачьи» Л. Толстого.

Отдельный очерк посвящён Петру Васильевич Киреевскому. И снова приходится удивляться, насколько значимым в характеристике человека может оказаться любая подробность жизни. Какие точные определения может получить в своё распоряжение психолог для характеристики интроспективных переживаний. О Петре Васильевиче сказано: «Какая-то отчуждённость и строгость, часто соединённая с грустью, отличают этих людей; они не сливаются с окружающей толпой, им чужды её светные интересы и утехи. Если в таком человеке зародится мысль большого калибра, всё равно нравственная, философская или практическая, – он предаётся ей всецело, больше того, он становится её рабом, он одержим ею, и пойдёт осуществлять её с неимоверным упорством, которое можно принять за ограниченность ума» [9, с. 90].

В третьем сборнике [8] мы снова встречаемся с анализом исторических фигур. Отдельная тема – Герцен и Запад. Специальный интерес представляет вопрос о том, как русская демократическая интеллигенция вошла в круг европейских демократий. Герцен, по слову Гершензона, стал первым и донельзя непревзойдённым посредником между демократической Европой и русской интеллигенцией. Европейское представление о русском народе и ныне, и тогда было отягощено предрассудками. Его описывали как народ без культурного прошлого. Толковали о грубости нравов и цивилизационной неустроенности. Обсуждали девственную свежесть и простоту (необременённость) русской психики. М.О. Гершензон даёт высокую оценку деятельности А.И. Герцена на Западе: «Свободная Россия не забудет, что он вспахал и посеял на европейской ниве первый сев понимания русской народности и впервые возбудил в европейцах интерес к ней и тёплое братское чувство. Доказать объективными данными успешность его западной пропаганды, конечно, невозможно: многое ли вообще можно доказать в области широких умственных влияний? – здесь решающее значение имеет общий характер картины» [10, с. 146].

Много неожиданного у М.О. Гершензона в трактовке исторической личности – Жозефа Прудона. Отмечено, что этот человек направлял свои удары столько же против политического радикализма, сколько против реакции. «С самого начала он, – пишет М.О. Гершензон, – он предостерегал Францию против увлечения политикой, доказывал народу, что сеющий насилие пожинает не свободу, а насилие же, предсказывал в результате борьбы партий

неизбежный деспотизм... Вместо того, чтобы приучить народ самому организоваться, вместо того, чтобы апеллировать к его опытности и уму, от него требуют только власти и силы, между тем всякое правительство, даже самое радикальное, по самой своей природе враждебно той истинной, свободной, творческой революции – социальной, – которая одна может дать нам свободу» [11, с. 149].

Отдельный очерк посвящён Жюлю Мишле. Этот деятель неодобрительно отозвался о русском народе. М.О. Гершензон недоумевает: «Что внушило гуманному, благородному, мягкому Мишле эту жестокость и злобу, с которой он предсказывал или, вернее, констатировал духовную гибель русского народа» [12, с. 166]. Этот материал свидетельствует о патриотизме русского мыслителя, о его постоянной готовности отстаивать достоинство русского народа и величие русской культуры.

М.О. Гершензон не был закрытым кабинетным мыслителем. Да, он создавал свои произведения, пользуясь различными и не всегда легко доступными источниками. Действительно, он постоянно стремился к основательности, доказательности и точности своих оценок. Но он с воодушевлением

относился к людям «практического дела». Об этом свидетельствует его очерк «Гарибальди». М.О. Гершензон не забывает отметить, что борьба итальянского лидера подчас вызывала у Герцена горькое чувство. Ему, мыслителю и революционеру, было горько осознавать оторванность от своего народа, Он завидовал деятелю истинно народному, в котором циркулировала кровь родных народных масс. В глазах Герцена Гарибальди был окружён двойным ореолом – органического единства со своим народом и действительного служения своей идее.

Итак, перед читателем проходит целая галерея писателей, общественных деятелей, мыслителей, поэтов и музыкантов, оставивших неизгладимый след в российском самосознании. Три сборника работ М.О. Гершензона – это событие в нашей научной и культурной жизни. Читатели получили в собственное распоряжение архивные материалы, любовно и заинтересованно подготовленные к печати. Сборники имеют огромный комментаторский арсенал. В числе многочисленных изданий, подготовленных С.Я. Левит, этот труд заслуживает особого внимания и благодарности. Мы услышали волшебный голос незаурядного русского мыслителя.

Список литературы:

1. Гершензон Михаил. Избранное. Тройственный образ совершенства / Сост. С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 640 с.
2. Гершензон Михаил. Кризис современной культуры // Гершензон Михаил. Избранное. Тройственный образ совершенства / Сост. С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 7-20.
3. Гершензон Михаил. Тройственный образ совершенства // Гершензон Михаил. Избранное. Тройственный образ совершенства / Сост. С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 61-119.
4. Гершензон Михаил. Судьбы еврейского народа // Гершензон Михаил. Избранное. Тройственный образ совершенства / Сост. С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 193-196.
5. Гершензон Михаил. Избранное. Исторические записки / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 352 с.
6. Гершензон М.О. Исторические записки (О русском обществе). Главы I-VII. Учение о личности (И.В. Киреевский) // Гершензон Михаил. Избранное. Исторические записки / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 7-26.
7. Гершензон М.О. Исторические записки. Главы XXVIII-XXXIII. Интеллигенция // Гершензон Михаил. Избранное. Исторические записки / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 86-103.
8. Гершензон Михаил. Избранное. Образы прошлого / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 448 с.
9. Гершензон М.О. П.В. Киреевский // Гершензон Михаил. Избранное. Образы прошлого / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 78-117.
10. Гершензон М.О. Герцен и Запад (Глава из биографии А.И. Герцена) // Гершензон Михаил. Избранное. Образы прошлого / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 126-204.
11. Гершензон М.О. Прудон // Гершензон Михаил. Избранное. Образы прошлого / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 147-164.
12. Гершензон М.О. Герцен и Запад (Мишле) // Гершензон Михаил. Избранное. Образы прошлого / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 165-178.
13. Библихин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998. 577 с.
14. Виндельбанд Вильгельм. Избранное. Дух и история / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. М.: Юристъ, 1995. 687 с.
15. Дильтей Вильгельм. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М.; Иерусалим: Университетская книга, Мосты культуры / Гешарим, 2000. 464 с.

References (transliterated):

1. Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Troistvennyi obraz sovershenstva / Sost. S.Ya. Levit, L.T. Mil'skaya. 2-e izd. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 640 s.

2. Gershenzon Mikhail. Krizis sovremennoi kul'tury // Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Troistvennyi obraz sovershenstva / Sost. S.Ya. Levit, L.T. Mil'skaya. 2-e izd. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. S. 7-20.
3. Gershenzon Mikhail. Troistvennyi obraz sovershenstva // Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Troistvennyi obraz sovershenstva / Sost. S.Ya. Levit, L.T. Mil'skaya. 2-e izd. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. S. 61-119.
4. Gershenzon Mikhail. Sud'by evreiskogo naroda // Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Troistvennyi obraz sovershenstva / Sost. S.Ya. Levit, L.T. Mil'skaya. 2-e izd. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. S. 193-196.
5. Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Istoricheskie zapiski / Sost. S.Ya. Levit. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 352 s.
6. Gershenzon M.O. Istoricheskie zapiski (O russkom obshchestve). Glavy I-VII. Uchenie o lichnosti (I.V. Kireevskii) // Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Istoricheskie zapiski / Sost. S.Ya. Levit. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. S. 7-26.
7. Gershenzon M.O. Istoricheskie zapiski. Glavy XXVIII-XXXIII. Intelligentsiya // Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Istoricheskie zapiski / Sost. S.Ya. Levit. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. S. 86-103.
8. Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Obrazy proshlogo / Sost. S.Ya. Levit. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 448 s.
9. Gershenzon M.O. P.V. Kireevskii // Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Obrazy proshlogo / Sost. S.Ya. Levit. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. S. 78-117.
10. Gershenzon M.O. Gertsen i Zapad (Glava iz biografii A.I. Gertsena) // Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Obrazy proshlogo / Sost. S.Ya. Levit. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. S. 126-204.
11. Gershenzon M.O. Prudon // Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Obrazy proshlogo / Sost. S.Ya. Levit. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. S. 147-164.
12. Gershenzon M.O. Gertsen i Zapad (Mishle) // Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Obrazy proshlogo / Sost. S.Ya. Levit. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. S. 165-178.
13. Bibikhin V.V. Uznai sebya. SPb.: Nauka, 1998. 577 s.
14. Vindel'band Vil'gel'm. Izbrannoe. Dukh i istoriya / Gl. red. i sost. S.Ya. Levit. M.: Yurist', 1995. 687 s.
15. Dil'tei Vil'gel'm. Vozzrenie na mir i issledovanie cheloveka so vremen Vozrozhdeniya i Reformatsii. M.; Ierusalim: Universitetskaya kniga, Mosty kul'tury / Gesharim, 2000. 464 s.